

После того как Чу Циюнь покинул храм Сюйхэ, он почувствовал себя словно птица, выпущенная из клетки. Теперь ему не нужно было сдерживать свой нрав, и он мог наслаждаться свободой. Что касается средств к существованию, он никогда об этом не беспокоился. С его красноречивым языком и элегантной, благородной внешностью разве мог он не найти себе места?

Чу Циюнь изначально думал, что если уж совсем не получится, то можно будет разложить столик для гаданий у городских ворот. Однако, учитывая известность даоса Цанъяна из храма Сюйхэ, он не хотел без причины запятнать репутацию своего наставника.

Кто бы мог подумать, что на следующий день после спуска с горы ему подвернётся случай: в ресторане «Шанъянлоу» как раз не хватало рассказчика. Не брали тех, кто дурно сложен, труслив и закомплексован, а также не обладающих красноречием. Увидев это, Чу Циюнь не смог сдержать смеха, про себя отметив, что такая работа словно создана специально для него. Истинно говорят: когда лодка подплывает к мосту, её нос сам поворачивается!

Таким образом, он из даоса Чу из храма Сюйхэ на горе Дунли превратился в рассказчика некоего Чу из «Шанъянлоу».

Подумать только, этот Чу Циюнь был рождён с изящной, почти неземной внешностью, обладал даром красноречия и талантом складывать речи, будто извергая изо рта цветы лотоса. Рассказывая истории, он держался с большим апломбом, и уже через три-пять дней мог вести повествование весьма живо. Иногда, когда накатывало вдохновение, он ещё и сочинял пару-тройку шуточных стихов, что часто вызывало бурные аплодисменты во всём зале.

Вот опустил он деревянную колотушку, закончив рассказ о «Седом генерале». Чу Циюнь видел, что помимо аплодисментов, слушатели явно хотели продолжения, и в душе невольно зародилось немалое самодовольство. Он только думал, что когда-нибудь обязательно заманит Сяо Юйшаня сюда и продемонстрирует ему своё новое умение.

Сяо Юйшань ещё не знал, что он покинул храм Сюйхэ. Если в будущем тот пошлёт дворцовых слуг его искать, то, пожалуй, вернётся ни с чем. Размышляя об этом, Чу Циюнь поспешно собрался и отправился в резиденцию Е Вэньцина, чтобы попросить того передать весточку во дворец.

Но едва он вышел на угол улицы у «Шанъянлоу», как почти столкнулся с одним «старым знакомым» — верховным воеводой Чжаном. Улицы возле «Шанъянлоу» и так были оживлённым рынком, и появление здесь кого угодно не казалось чем-то удивительным. Однако у Чу Циюнь от природы было на одну душу больше, чем у других глаз, и словно бес его попутал, он последовал за воеводой, неотступно преследуя.

Вскоре он увидел, как верховный воевода Чжан вошёл в небольшие красные ворота, ведущие за ограду. Перед тем как закрыть дверь, привратник огляделся по сторонам, словно белый гусь, вытянувший шею, тщательно осматривая окрестности с крайней осторожностью.

Это лишь усилило подозрения Чу Циюня, возникшие ранее, но он не посмел действовать опрометчиво и показываться, а потому затаился за углом, наблюдая украдкой, боясь спугнуть добычу.

Это ожидание у дороги, словно надежда на то, что заяц сам наткнётся на дерево, в итоге оказалось не напрасным. Примерно через время, необходимое, чтобы выпить полчашки чая, в узкий переулок вошёл ещё один человек. Хотя он намеренно переоделся, и его одежда с аксессуарами ничем не отличалась от тех, что носят внутри страны, Чу Циюнь видел всё ясно:

один только высокий нос, глубоко посаженные глаза и светлые зрачки выдавали в нём человека из Мобэй.

В последнее время сначала люди из Мобэй прибыли в Цзяньян преподнести сокровища, а затем эти сокровища бесследно исчезли. Сейчас по городу ползут всякие слухи и сплетни, и Чу Циюнь уже успел о них наслушаться. Увидев такую картину, он не мог не задуматься поглубже.

Хотя Чу Циюнь встречал верховного воеводу Чжана всего дважды, он разглядел, что этот человек хитер и скрытен, в тысячу раз сложнее, чем князь Цзиньань. С его характером, если бы у него действительно не было никаких связей, он ни за что не стал бы тайно встречаться с людьми из Мобэй в такое время.

Чу Циюнь не рискнул безрассудно перелезть через стену, а вместо этого развернулся, вышел из переулка и растворился в толпе, с самого начала до конца сохраняя невозмутимое выражение лица, словно не подглядывал за чем-то тайным.

Похоже, на этот раз ему снова предстоит стать «сужденным благодетелем» императора. Мысли Чу Циюня сделали поворот, и он направился к резиденции Е Вэньцина.

=

В храме Сюйхэ Чу Циюня выставили за дверь, но Сяо Юйшань об этом ещё не знал, поскольку во дворце внезапно произошло ограбление сокровищ, и ему было недосуг расспрашивать о других делах.

Что касается этого дела о краже, то оно и вправду было странным. Прекрасный нефрит высшего качества, поднесённый в дар Мобэй, только что был обработан, как вдруг бесследно исчез. Кража дани сама по себе — дело весьма необычное, но ещё более причудливое было впереди. Вор оказался невероятно наглым, осмелившись оставить письмо, бросающее вызов небесному величию, — поистине неслыханная дерзость.

Сяо Юйшань взял то письмо и внимательно его изучил. Вор писал в нём, что на этот раз он украл сокровища не ради богатства, а ради славы. Он называл себя королём воров, способным приходить и уходить бесследно даже из самых строго охраняемых мест. Недавно он встретил старого друга, и они предложили друг другу состязание: один должен был забрать фамильную реликвию некоего знатного лица в столице, а другой — проникнуть во дворец и похитить северную дань.

В конце письма тот человек ещё написал: «Даже у воров есть своя дорога, в назначенный день я верну».

Увидев эти слова, Сяо Юйшань не знал, сердиться ему или смеяться, думая лишь, что этот вор и вправду потешен: бросает вызов императорскому величию, а сам ещё заявляет, что «даже у воров есть своя дорога».

Из-за этого командующий У был наказан за ненадлежащую охрану императорского города штрафом в размере полугодового жалования. Сяо Юйшань этим не удовлетворился и поставил ему срок для раскрытия дела, заявив, что, возможно, тот ещё сможет искупить свою вину заслугами.

Но кто бы мог подумать, что командующий У ещё не успел ничего выяснить, как его собственный дом тоже посетил вор, также оставивший письмо. Содержание того письма в

целом совпадало с оставленным во дворце, но почерк был иной, должно быть, оставлен другим человеком.

Сокровищем, похищенным из дома командующего У, была картина «Отшельник в горах», вышедшая из-под кисти знаменитого мастера древних времён. С тех пор как эта картина попала в руки семейства У, она передавалась из поколения в поколение. Хотя это и не изделие из золота или нефрита, её стоимость превышала тысячу золотых, и она почиталась как фамильная реликвия, поистине бесценная.

Командующий У чрезвычайно дорожил этим произведением искусства, устроив для его хранения потайную комнату с ловушками. Кто бы мог подумать, что вор похитит сокровище с лёгкостью, словно доставая что-то из кармана, не обращая внимания на ловушки и скрытые стрелы.

Как только весть о том, что командующий У потерял фамильную реликвию, распространилась, знатные семейства и аристократы в Цзяньяне пришли в состояние нервной готовности. Даже те молодые повеслы, что обычно любят хвастаться и соревноваться в богатстве, невольно сдержали свой нрав и стали осторожны в словах и поступках, опасаясь, что следующим объектом внимания вора станут они сами.

Сяо Юйшань, услышав, что и у командующего У тоже пропала реликвия, подумал: неужто и вправду воры состязаются в мастерстве, а не люди из Мобэй подстроили кражу сами у себя?

Командующий У охранял императорский город, командовал императорской гвардией и изначально не имел никаких связей с вассальным княжеством Мобэй. Если отбросить простое совпадение, то другого объяснения одновременной пропаже двух сокровищ не находилось.

Жалко только того командующего У, безвинно пострадавшего от несчастья: сначала император оштрафовал его, а потом он ещё и фамильную реликвию потерял. Истинно говорят: когда человек идёт по чёрной полосе, даже глоток холодной воды застревает в зубах.

За несколько дней слухи и сплетни бурно распространились по всему Цзяньяну. Кто-то предполагал, что это люди из Мобэй сами украли у себя, а что касается реликвии семейства У, то это вор, подражая, совершил кражу. Другие же говорили, что в последнее время в Цзяньяне проникла шайка воров, специально грабящая богатых и помогающая бедным, — разбойники-благодетели.

На какое-то время мнения разделились, только неизвестно было, какое из них истинное, а какое ложное, и ни одно из сокровищ так и не нашли. В этом деле первым, кто не выдержал, оказался вовсе не командующий У и даже не Сяо Юйшань, а Хэлянь Гуйянь.

Та нефритовая резная статуэтка была драгоценным подарком, который Мобэй преподнесло императору Великой Янь, целью чего было проложить мост для будущего брачного союза. Теперь, когда нефрит был похищен во дворце, слухи о том, что это люди Мобэй сами украли у себя, набирали силу, — как же Хэлянь Гуйянь мог не беспокоиться?

Возможно, опасаясь, что дело о брачном союзе будет отложено, Хэлянь Гуйянь день за днём подгонял подчинённых расследовать это дело, и как только появлялись малейшие продвижения, он лично обсуждал их с Сяо Юйшанем.

Сяо Юйшань изначально ещё сомневался в целях Хэлянь Гуйяня, но теперь, видя, как тот срочно суетится, невольно зародилось колебание — неужели люди Мобэй на этот раз прибыли в столицу лишь для того, чтобы обменять подношение даров на возможность брачного союза?

Неужели Хэлянь Гуйянь, сдерживая свой нрав и притворяясь почтительным, тоже стремился лишь к брачному союзу?

Хотя на поверхности всё выглядело именно так, Сяо Юйшань всё же чувствовал некоторое беспокойство.

С юных лет он знал, что бескровное противоборство куда более жестоко, чем перекрестье мечей. Порой чем более правдоподобной кажется ситуация, тем более неожиданной оказывается истина. Не то чтобы он был от природы подозрительным, просто мир подобен шахматной доске — один неосторожный ход грозит проигрышем всей партии.

Сяо Юйшань долго размышлял, но не мог прийти к окончательному выводу, хотел ещё как следует всё проверить.

В этот день командующий У и Хэлянь Гуйянь вместе явились к Сяо Юйшаню. Не нужно было много говорить, все и так понимали, что определёнno всё ещё из-за двух дел о краже сокровищ.

Сяо Юйшань, косясь на них, не проявил ни капли подозрительности, лишь сказал:

— Вы, двое сановников, пришли вместе, должно быть, достигли большого прогресса.

Услышав это, Хэлянь Гуйянь и командующий У переглянулись, и в конце концов командующий У произнёс:

— Сегодня в доме вашего покорного слуги снова появилось письмо, в котором говорится... говорится...

Сяо Юйшань, видя, что тот запинается, словно скрывая какие-то обстоятельства, не мог не затаить подозрения и переспросил:

— О чём говорится?

Командующий У поспешил ответить, не смея ни в чём обманывать:

— Вор снова оставил письмо, в котором говорится, что в ближайшее время он обязательно вернёт оба сокровища, и место — старая резиденция князя Цзиньяня.

— Старая резиденция князя Цзиньяня... — Услышав это место, подозрения Сяо Юйшаня, которые уже почти улеглись, вновь поднялись, словно нахлынувшие волны.

|